

ПОХИТИТЕЛИ

МАРГАРИТА ШИЛНИНА
Родилась в 2003 году в городе Абанане. Студентка Литературного института имени Горького (семинар прозы Р.Т. Ниреева), участница литературной мастерской «Мир литературы. Новое поколение» по направлению «Проза» (семинар В.Г. Попова и Н.А. Грозной).

Костя, светловолосый мальчик лет четырнадцати, идет в сандалиях и носках. Куртка практически перекрывает шорты, а полукруглый козырек кепки смотрит назад. Рядом шагает Юра, одетый в расстегнутую полосатую рубашку и бриджи. Он выше Кости и шире в плечах, на вид ему лет шестнадцать. Он останавливается, осматривается и замечает, что вокруг никого. Кукурузные стебли колышутся от ветра и шелестят, слышится отдаленный стук мотора.

- Чисто, давай, – говорит Юра.
- Может, все-таки у забора соберем? – спрашивает Костя. – Так быстрее будет.
- Да она там мелкая, кому мы такую продадим?

Костя снимает со спины рюкзак, раскрывает его и начинает срывать початки, складывая их внутрь вместе с неоторванными листьями. Один початок не отрывается, и Косте приходится надломить стебель и крутить его, пока волокна не переплетутся в нить. Он тянет на себя, одна часть растения отделяется от другой, и мальчик по инерции отшатывается.

Юра сидит по-турецки и чертит палочкой по земле. Рисунки замысловатые – один круг перечеркивает линия, в другом поставлена точка и записано несколько чисел.

- Может, поможешь? – спрашивает Костя.
- Я и так помогаю. Видишь, высчитываю, сколько мы

заработаем, если будем продавать на Немецкой, и сколько – если на Транцевской.

Костя продолжает набивать рюкзак. Тот перестает закрываться, поэтому мальчик расстегивает куртку, снимает ее и кладет на землю. Полосатая майка открывает вид на тоненькую шею и выпирающие ключицы. Костя накладывает початки в куртку, образовывается горка, мальчик встряхивает рюкзак, чтобы уложить содержимое, и надевает его на спину. Завернув края куртки и перевязав их между собой, он берет получившийся кулек в левую руку. От напряжения на ней проступают вены.

- Продаем на Немецкой, значит. Там больше клиентов. Где перрон, там и люди, а где люди, там и деньги, – говорит Юра и поднимается.
- Держи, предприниматель, помогай. – Костя протягивает товарищу мешок.
- Мы договаривались, что ты несешь, а я продаю. Или вру, не так было?

Юра смотрит на Костю сверху вниз, тот поджимает губы. Они начинают медленно двигаться к старому деревянному забору с далеко расположенными друг от друга столбиками.

- Я недавно книгу по психологии прочел. Так вот, в ней говорится, что продает не тот, у кого товар хороший, а тот, кто умеет его таким показать. Сечешь? – спрашивает Юра.

Дорожки нет, они пробираются сквозь стебли. От-

ростки лезут в лицо и цепляются за одежду, оттягивают ее в стороны. Костя останавливается, опускает кулек на землю, сжимает и разжимает левую ладонь. Юра забегает вперед, и Косте приходится ускориться, чтобы догнать товарища. Один початок вываливается из отверстия между рукавами, Костя вздыхает и нагибается, протягивая к нему руку. На голову сыпятся остальные початки, выкатывающиеся из рюкзака. Мальчик морщится, еще раз вздыхает, садится на корточки и принимается их собирать.

– Юр, иди сюда!

– Ша! – прилетает ответ, но никто не приходит.

Отдаленный стук мотора становится громче, руки Кости трясутся. Он кладет в рюкзак не все – несколько початков укатываются, он смотрит на них, но не подбирает, встает с корточек и встречается взглядом с капотом трактора. Тот находится в паре метров, но движется прямо на него.

Куртка падает, кулек развязывается. Костя бросается бежать. Из рюкзака выпадают початки, кепка слетает с головы и оказывается под колесом. Мотор ревет еще громче – мальчик тяжело и сбивчиво дышит, не останавливается. Вдруг он запинается о стебель, падает, проезжает коленкой по земле, но встает и двигается дальше. Оглядываясь, Костя замечает мужчину, который сидит за рулем и с равнодушным видом жмет на педаль.

Мальчик добегают до забора, забирается на него и кричит. Рюкзак сваливается с плеч и ударяется о землю с глухим звуком, какое-то время Костя смотрит на него, а затем устремляет взгляд вверх. Подтягивается и шипит: заноза впивается в ладонь, заставляя дернуться и упасть. Мотор глохнет.

По небу плывут облака, большие и пушистые. Их заменяет лицо усатого мужчины со сведенными бровями.

– И не стыдно тебе воровать? – Он замахивается на Костю кулаком.

– Дядь! – Мальчик отшатывается.

Тракторист останавливается и медленно опускает руку, параллельно с этим осматривая ободранную, грязную и кровоточащую коленку Кости, его растрепанные, прилипшие ко лбу волосы, вздымающуюся грудь и смиренно опущенные глаза. Брови мужчины разглаживаются, он переминается с ноги на ногу. Костя сперва молчит, потом вздыхает и полупшепотом говорит:

– Я... Честно, правда... Это...

Со стороны поля доносится хруст. Юра по-пластунски ползет в сторону Костиного рюкзака, время от времени замирая и прислушиваясь. Он загребаёт портфель левой рукой, правой собирает рассыпан-

ные початки и присаживается на корточки, высокая трава пригибается.

– А крупного я и не заметил. – Мужчина косится на спину в полосатой рубашке. – В команде работали, значит?

Костя не отвечает. Тракторист пожимает плечами и возвращается к машине, зашагивает на ступеньку, открывает дверцу, ведущую в кабину, но не залезает внутрь, а кричит:

– Эй, шкет, полезай.

Костя сперва топчется на одном месте, не поднимая головы, а после присоединяется к мужчине. Тракторист пересаживается на пассажирское сиденье, а он устраивается на водительском.

– Тормоз, газ. – Перепачканной мазутом рукой водитель указывает на педали. – Дави сюда.

Ступня мальчика опускается, трактор едет вперед. Из кабины виднеется, как бежит Юра. Он оборачивается, машет пустым рюкзаком и кричит:

– Э-э-эй, стой! Вы что, ослепли, что ли?

Сначала Юра запускает рюкзак в кабину, но тот, не долетая, падает около гусениц, затем он останавливается и вытягивает руку, в упор глядя на приближающийся транспорт. Машина не останавливается, и мальчик бросается бежать.

Его выкрики заглушаются ревом мотора. Тракторист затягивает басом: «На грани-ице тучи ходят хму-уро, край суро-овый тишиной объят...» Костя еле слышно напевает ту же мелодию и постукивает пальцем о капот.

О ПЫЛИ

Однокомнатная квартира, перегородка между залом и кухней. Стены обшарпаны, в зале стоит старая кушетка, заправленная цветочной простыней, и комод с квадратным «ушастым» телевизором. На кухне маленький стол, под одной ножкой – книга, сборник чеховских рассказов. На подоконнике два горшка с цветами, у листьев пожелтевшие кончики. Между ними стоит серый от пыли номеронабиратель.

Бабушка сидит за столом, держит в руках кружку и смотрит в окно. Одета она в блекло-розовый халат и стоптанные по бокам тапочки. Седые волосы перевязаны цветочной косынкой, которая напоминает простыню.

За окном проходит молодая пара. Девушка улыбается, а парень в коричневом пальто жестикулирует и о чем-то оживленно говорит. Они хохочут. В зале стрелка настенных часов медленно движется от числа к числу. Слышится тиканье. Оно приглушенно, но постепенно становится все громче. Бабушка неразборчиво ворчит под нос.

Пара проходит, под окном появляются дети – два мальчика лет десяти. Один, светленький, в порванных джинсах и с завязанной на поясе кофтой, а другой, темный, в толстовке и расстегнутой куртке. Они спорят:

- Это она мне записку кинула!
- Мечтай, мечтай! Тебе и чучело записки не напишет!

Один валит другого на усыпанную листьями землю, они катаются в грязи и размахивают кулаками. Темный заводит руки товарища за спину, тот вырывается, бьет по земле ногами, но вскоре замирает и выдавливает:

– Сдаюсь.

Они поднимаются. Темный достает из рюкзака яблоко, протягивает другу.

– На, мир.

Они сворачивают за угол.

– Миша-а, куда пошел? Домо-ой! – раздается крик.

Светленький возвращается и понуро тащится к подъезду.

На кухне вскипает чайник, из носика валит пар. Старушка с кряхтением поднимается, трясушей рукой наполняет кружку водой. Кисть дергается в сторону, вода проливается на пол, она цокает языком, ставит чайник на место и задевает кружку. Та падает и разлетается на осколки. Раздается звонок в дверь.

Бабушка охает, сопит и, еле передвигая ногами и хлюпая мокрыми тапочками, отпирает. На пороге стоит светленький мальчик.

– Здравствуй! А у вас есть горячая вода?

Бабушка пожимает плечами.

– Ох, не знаю, пойду проверю. Ты пока проходи, присаживайся. Там, на диванчик.

Он мешкается, переминается с ноги на ногу, но разувается, оставляет ботинки, покрытые комками

грязи, посреди коврика, проходит в зал и садится на край кушетки, обводит комнату взглядом. На комодѣ стоит алтарь из фотографий – лысый мужчина, обнимающий женщину, маленький серьезный мальчик и девочка с высунутым языком. Их черты скрыты под слоем пыли. Пыль тут везде – на полу, на подоконнике, на изголовье кушетки. В углу комок спутанных волос.

Мальчик порывается встать, но бабушка возвращается с подносом, на нем стоит тарелка темно-зеленого супа со странно плавающими бугорками.

– Держи, сынок, угощайся, – улыбается старушка.
– Мм, спасибо. – Миша натянуто улыбается в ответ. – Но я это... пообедал.

Бабушка поджимает губы, медленно ставит поднос на прикроватный столик и присаживается к Мише. Трясущейся рукой она достает из кармана две конфеты и заговорщицки-тихо говорит:

– На. Много сладкого вредно, но мы же чуть-чуть.

Одну конфету она вкладывает ему в ладонь, другую медленно разворачивает. Миша берет конфету, запихивает ее в карман, мычит в знак благодарности и спрашивает:

– Так что там с водой?

– Ох, забыла проверить, голова дырявая. – Старушка хлопает себя по колену и откладывает полуразвернутую конфету в сторону, к тарелке с супом.

Мальчик притопывает ногой и шелкает пальцами, оглядывается на дверь.

– Зря ты супа не захотел. Меня Борька учил готовить. – Она указывает рукой на фотографию лысого мужчины. – Мы когда в Свердловске познакомились, он поваром работал. Чем меня только не подкупал! И «Наполеон» пек, объедались. – Она тычет отросшим ногтем в фотографию детей. – Наська, ой разбойницей была! Дралась, с мальчишками там-сям шаталась, а Федька, наоборот, учился, читал. Знал про грузовики и про космос. Я когда напельменную фабрику устроилась, на автобусах стала ездить, так он меня всегда с остановки встречал.

Подбородок старушки дрожит.

– Наська теперь в Москве. Замуж вышла, детишек родила, сейчас внучков нянчит. А Федька... Инженером был.

Миша отводит глаза от двери. Настенные часы тикают. Он осматривает комнату – с батареи свисают паутинки, под комодом лежит скомканный фантик. Один край форточки опущен ниже другого, между дверцей и оконным переплетом шелка. Слышится тихий свист.

– Может, вам... Ну, знаете... С уборкой помочь?

– Нет-нет, милок, садись. – Старушка качает головой. – Я на прошлой неделе...

Миша, не слушая бабушку, поднимается.

– Да я сама, сама, честное слово.

– Успокойтесь, ну что вы. Мне не трудно. – Мальчик пожимает пятнистую морщинистую руку, улыбается и начинает убираться: заглядывает в шкафы, заставленные разноцветными коробками, находит в туалете веник. Совок выгнут, на венике серые сгустки.

Из кухни Миша выметает осколки, из зала – пыль. Набирает в ведро воду и обжигается. Он проводит по подоконнику тряпкой, на темно-серой поверхности появляется белая линия. Вода в ведре становится черной. Бабушка смотрит на Мишу, глаза блестят. Он протирает фотографии, телевизор и поливает цветы. В углу чисто.

– Ну все. Я пойду, – говорит Миша.

Бабушка протягивает ему стеклянную вазочку со сломанным печеньем, берет несколько кусочков и кладет Мише в карман.

– Вот, сынок.

– Спасибо. Я не голодный, правда, но спасибо. – Он обувает ботинки. – И извините, у меня обувь грязная... Но я дальше порога не ходил. До свидания! Я приду еще, наверное. Даже обязательно приду.

Он уходит.

Бабушка закрывает за мальчиком дверь, идет в зал, останавливается. Комнату заливают яркий осенний солнечный свет, вокруг чистота. На белом окне красуется Мишино яблоко. Старушка тихонько подходит, берет его, вдыхает аромат и аккуратно кладет к фотографиям. За окном листопад. Серый от пыли телефон с дисковым номеронабирателем стоит на подоконнике и молчит.

ИЗМЕНИВШАЯСЯ УЧАСТЬ

Лето, ночь, многоэтажный загородный дом, окруженный забором, за которым растут кусты роз. Свет горит только в одной комнате на первом этаже. В окне различается силуэт тучного мужчины, он не двигается.

На втором этаже длинный коридор с несколькими комнатами. Слышится тихий скрип двери. Женя, мальчик лет десяти, с рыжими кудрявыми волосами и веснушчатым лицом, закрывает за собой дверь, присаживаясь и приподнимаясь вместе с дверной ручкой. Лунный свет пробивается сквозь окно и освещает очертания предметов. Левая стена увешана множеством застекленных рамок, в них – черные точки, правая стена занята книжным шкафом, а у окна стоит массивный деревянный стол.

Женя делает шаг, старая половица протяжно скрипит. Он морщится и опускается на колени, потом ложится и начинает по-пластунски двигаться в направлении стола. Одежда шаркает о пол, половицы поскрипывают, но не громко. Жилетка мальчика цепляется о торчащий гвоздь, нитки медленно расползаются одна за другой. Сперва Женя не реагирует, но после, когда жилет сползает с груди и натягивается на живот, он останавливается и пальцами, под ногтями которых грязь, высвобождает ткань. Он встает у шкафа и, прислоняясь к книжным полкам спиной, пробирается вглубь комнаты. Одна из книг высовывается сильнее остальных и падает, задев

плечом, Женя успевает ее поймать. Он разворачивается лицом к шкафу и тянет руку, чтобы поставить книгу на место, раздаётся чиханье, и толстый энтомологический справочник с грохотом валится на пол.

Женя какое-то время не двигается. Настенные часы тикают, снизу доносится еле слышная музыка и стук столовых приборов о посуду. Мальчик делает три широких шага и оказывается у стола. Он включает настольную лампу, и комната озаряется ярким светом. Женя стягивает с себя жилетку, кладет ее на светильник, и освещение становится более приглушенным. Черные точки в рамках на левой стене оказываются пригвожденными к деревянным дощечкам насекомыми. Он осматривает инсталляцию, где сверху вниз увеличиваются в размере жуки, переводит взгляд с мертвой красной бабочки на мертвую черную, опускает голову и видит аквариум, засыпанный землей. В нем мельтешат сотни муравьев, а рядом с ним – стеллажи со склянками, в которых те же муравьи, только застывшие, помещены в жидкость желтоватого цвета. Женю передергивает, он пошатывается и опирается о стол.

На столе под стеклянным колпаком бьется шмель. Он ударяется о стекло, замирает и снова принимается таранить клетку. Насекомое жужжит, и по мере того, как Женя наклоняется, жужжание становится громче. Щека мальчика практически

Женя делает шаг, старая половица протяжно скрипит. Он морщится и опускается на колени, потом ложится и начинает по-пластунски двигаться в направлении стола. Одежда шаркает о пол, половицы поскрипывают, но не громко. Жилетка мальчика цепляется о торчащий гвоздь, нитки медленно расползаются одна за другой.

ложится на банку, и, когда шмель врезается в донышко, Женя отскакивает. Рядом с банкой и шмелем лежит плоский кусок дерева и две иглы: одна длинная и толстая, а другая кроткая и тонкая. Мальчик берет одну из них и рассматривает, подносит к указательному пальцу и шипит: на коже выступает капелька крови.

На первом этаже гремит посуда, а затем воцаряется тишина, музыка стихает. Единственным источником звука остается шуршание муравьев. Женя быстро оглядывается на дверь, залезает на стол и силится открыть створку. Старый замок поддается усилиям мальчика, щеколда отодвигается миллиметр за миллиметром, а со стороны двери, на лестнице, доносятся тяжелые шаги.

– Да чтоб тебя! – Женя ругается и прижимается к стеклу всем телом, от напряжения его ладони потеют.

Руки соскальзывают со щеколды, мальчик быстрым движением вытирает их о штаны и возвращается к делу. Пока шмель жужжит, а шаги перемещаются в коридор, задвижка звякает и открывается. Женя настезь распахивает окно, берется за банку, но застывает из-за басистого выкрика:

– Стой!

В дверях стоит невысокий, плотно сложенный старик. Его брови сдвинуты, а темно-рыжеватые волосы колыхаются из-за ветряных порывов. Он, прихрамывая на левую ногу и опираясь о тросточку с набалдашником, приближается к столу.

– Не подходи, деда, а то выпрыгну! Насмерть не насмерть, а руки-ноги переломаяю. – Одной рукой Женя обхватывает банку со шмелем, а другую выставляет перед собой.

Дедушка громко вздыхает и останавливается.

– На кой он тебе сдался, Женьк? Все равно умрет, а так я его увековечу, – пытается оправдаться дедушка и делает маленький шагок.

Мальчик мотает головой и плотнее прижимает стеклянный сосуд к себе.

– Не подходи, я сказал! Почему ты решаешь? Может, он не хочет быть увековеченным.

– Увековеченным, – поправляет старик.

– Неважно! Тем более это шмель, а не муха какая-нибудь. Он тебе розы опыляет, а ты на стенку прибить... Все. – Женя открывает крышку, и насекомое вылетает из банки и стремительно скрывается в ночи.

Слышится отдаленное жужжание, но через несколько мгновений замолкает и оно. Женя закрывает окно, слезает со стола, выключает лампу и закидывает жилетку на плечо. Дед безотрывно смотрит на луну и хрипло дышит, его грудь медленно вздымается, а глаза слезятся. Внук берет его за руку, и вместе они выходят из комнаты под скрипение половиц.

– А ведь и меня изжить хотели, – бормочет старик, – в больницу с такими уговорами приняли, не дай бог.

Дверь захлопывается. Муравьи в аквариуме продолжают бегать.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Зима, 2017 год, частная школа. Семен Семенович, мужчина лет сорока семи, щуплый, в квадратных очках, сидит на вахте. Перед ним лежит раскрытый журнал, в котором в несколько столбцов записаны имена, фамилии и цифры. Справа расположен компьютер. На нем транслируются изображения с камер видеонаблюдения.

Охранник чистит мандарин, складывает кожуру на журнал, а дольки, отделяя одну от другой, кладет в рот и долго разжевывает.

– Здравствуйте! Можете, пожалуйста, открыть, а то я пропуск забыла? – Перед Семеном Семеновичем возникает девочка в розовом пуховике и красной вязаной шапке.

Мужчина смотрит на нее дольше положенного и сжимает в кулаке дольку. Сок брызжет на журнал, он ругается:

– Ну твою ж. – Семен Семенович достает из-под стола рулон бумажных полотенец, отрывает одно и вытирает им капли сока. Те не исчезают, он вздыхает, сминает бумажку и выбрасывает ее в мусорное ведро. – Извини, проходи, конечно.

На турникете загорается зеленая стрелка, девочка проходит.

– Секундочку! А зовут-то тебя как? Из какого ты класса?

Она останавливается и снимает с рук перчатки.

– Кира Коваленко, я из 8 «Б». А что, вы Евгений Афанасьевне пожалуетесь?

– Да нет, – мужчина заминается, – так просто.

– Познакомятся с тобой, Кирка, хотя! Соглашайся, он человек взрослый, денег тебе даст, ты хоть в столовке поешь нормально. – Рядом с Кирой появляется парень лет шестнадцати, одетый в клетчатые брюки и водолазку. Он легонько толкает девочку в бок локтем, та делает то же самое, но сильнее.

– Дурак, Рыжак! – Кира разворачивается и уходит к кабинкам.

Краем глаза она замечает, что Семен Семенович наблюдает за тем, как она снимает с себя верхнюю одежду, одергивает юбку и направляется к лестнице. Они встречаются взглядами, и Кира тут же опускает глаза в пол. Рыжак увивается за ней. По коридору разносится разговор:

– Да ладно тебе. Про деньги это я так, пошутил.

– Детсад, вот правда.

– Не, ну а серьезно, че он так паялился?

К охраннику подходит мальчик лет десяти. На рыжую голову надета кепка Гэтсби.

– Дяденька, а открыть можете? Я пропуск забыл.

– Домой возвращайся, раз забыл. Забывчивые все такие.

Мальчик отходит от окошка, смотрит себе под ноги, потом оглядывается на мужчину и достает из кармана телефон размером с голову.

– Да ты знаешь мою фамилию вообще? Если скажу, что не пускаешь, тебя выпрут отсюда вообще, – угрожает мальчишка.

На лице Семена Семеновича ходят желваки. Он нажимает на кнопку, загорается зеленая стрелка. Пацан перепрыгивает через турникет, убегает к кабинкам, а затем останавливается и показывает охраннику язык.

Мужчина поджимает губы, достает из кармана спутанные наушники, на одном из которых не хватает ушного вкладыша, втыкает их в телефон, переворачивает его и подносит к треснувшему экрану палец. В окошко стучится женщина лет пятидесяти, одетая в черный брючный костюм, пиджак от которого расплзается на груди. Семен Семенович откладывает телефон в сторону.

– Добрый день, меня зовут Евгения Афанасьевна, я классный руководитель 8 «Б». Мой ученик сказал, что вы приставали с неподобающими вопросами к Кире Коваленко. Потрудитесь объяснить. Он отводит глаза в сторону и молчит. Через несколько секунд отвечает растерянным тоном:

– Да я у нее просто имя и класс спросил.
– Наше руководство должно было объяснить, что вы, многоуважаемый, не имеете права задавать какие-либо отвлеченные вопросы ученикам. Имейте в виду, что я попрошу, чтобы за вами присмотрели.

Звонит звонок. Учительница разворачивается и через спину бросает:

– Всего хорошего.

Семен Семенович с силой потирает руки, пальцы краснеют. Он сжимает и разжимает кулак левой руки, делает глубокий вдох, трет лоб, устало вздыхает, вставляет в ухо наушник с отсутствующим вкладышем и нажимает на экран. Включается видео, на котором загорающие люди отдыхают на пляже. Камера перескакивает с лица на лицо и останавливается на кудрявой черноволосой девочке лет семи, строящей песочный замок. Она одета в синюю панамку и открытый полосатый купальник. Одна из лямок сползает с плеча, и изображение укрупняется. Черная прядь падает на пухловатые губы девочки, она заправляет ее за ухо двумя пальчиками. Мужчина вздыхает и перелистывает видео. На нем та же девочка, только постарше, катается на роликах. Она то и дело отступает и останавливает себя взмахами рук. Когда камера наезжает, она расплывается в улыбке. Слышится мужской голос:

– Ну, скажи что-нибудь.
– У меня лучший папа на свете! Был бы еще круче, если б мороженое купил.

Девочка разгоняется, делает поворот и, набрав в руки охапку опавших листьев, подкидывает их вверх и смеется. Мужчина просматривает фотогра-

фии, на которых запечатлена все та же девочка: на одном кадре она с перепачканным лицом в красной шапке ест мороженое, на другом обнимает полную женщину, на третьем сидит за перекошенным вправо столом и корчит рожицу.

Охранник прикрывает глаза, потом открывает их, часто моргает, кладет телефон рядом с журналом и утыкается в экран с окошечками.

– Семен Семенович, мне на вас Евгения Афанасьевна пожаловалась. Сказала, что вы пристааете к детям. – Светловолосая девушка лет тридцати двух, одетая в белую рубашку и малиновую юбку, присаживается на деревянный стульчик. – Верю, что это не так, но вы ведь знаете, чего мне стоило вас нанять.

– Я, чес слово, ни к кому не лез. Шапка у нее красная, вот я и засмотрелся. Дочку мне мою напомнила. Если б та постарше была.

Девушка разводит руками, встает и похлопывает сторожа по плечу.

– Будьте чуточку сдержаннее, и все. Тут у нас порядки такие.

Он кивает головой, и девушка уходит. Из целлофанового пакета Семен Семенович достает мандарин, вытирает его о брюки и начинает чистить.

ОСТАНОВКА

День, 2009 год. Общежитие. В комнате три кровати на железных ножках. У одной выправился край простыни, выглядывает желтовато-белый матрас. У окна вешалка, на которой висит одежда. Одни плечики выгибаются: куртка для них слишком тяжеля.

Рядом с кроватями стол. На нем стопка тетрадей, одна открыта, на нее опирается запачканная чем-то белым вилка, около тетрадей супница. Под столом стоит пакет, из которого торчит горлышко пластиковой бутылки, рядом валяются несколько фантиков из-под конфет.

На одной из кроватей сидит мальчик лет двенадцати, сутулится, пальцы переплетены в замок, одна нога закинута на другую. На нем белая майка, черные штаны с лампасами и резиновые шлепки, ху-дошав.

Напротив него мужчина лет тридцати пяти в коричневой водолазке, клетчатых брюках и белых носках. На носу круглые очки, светлые волосы разделены прямым пробором. Он копирует позу мальчика: сидит, закинув ногу на ногу, разве что не сутулится. Они молчат и смотрят друг на друга – голубые глаза мальчика против зеленых мужчины.

– Ну что ж, Коль, до свидания, – говорит он.

Мальчик сдержанно улыбается.

– До свидания.

26

Мужчина встает с кровати. Та скрипит и приподнимается. Он обувает черные лакированные туфли, снимает с прибитого к стене крючка темно-коричневый плащ, еще раз прощается и исчезает за дверью.

Коля переводит взгляд на окно. На улице бегают неопрятно одетые мальчишки лет тринадцати. У первого одна штанина задрана, а у второго, Женьки, опущена, да и шапка криво сидит. Они пинают друг другу слутый футбольный мяч. Женька бьет ногой, и мяч вылетает за забор. «Ты косою, что ли?!» – доносится крик.

Улыбка Коли не сползает с лица. Он достает из-под кровати тканевый клетчатый чемодан и ставит его на колесики, со скрипом протаскивает его на центр комнаты и открывает. Он достает из шкафа сложенные в стопку вещи и кладет их в чемодан, берет супницу, набивает ее носками и тоже засовывает в чемодан, вилку вытирает о майку, заталкивает между одеждой, потом снимает с погнутых плечиков куртку, сворачивает ее и запикивает в чемодан. Тот не закрывается, и Коля садится на него. Расстояние между зубцами молнии остается. Мальчик вытаскивает куртку, надевает ее на себя. Дверь открывается, на пороге стоит Женя.

– Вот урод! Заставил лезть за мячом, а из игры выгнал! – жалуется он.

Он спешно идет по слабо освещенному коридору, ведет рукой по выкрашенной в оранжевый стене, сбегает по лестнице, оказывается на первом этаже, подходит к черной, обитой кожей двери и прикладывается к ней ухом. Слышится разговор.

Женя поднимается с кровати и подходит к окну. Там мальчик с закатанной штаниной отбивает коленом мяч. К нему подходит мужчина в темно-коричневом пальто и клетчатых брюках.

– Уродам везет, – говорит он и оборачивается на Колю. – Но ниче, ниче страшного.

Коля вытирает глаза футболкой, лежащей наверху стопки. Куртка с шуршанием падает с изогнутых плечиков.

– Да плюнь! Ко мне вот приходили. Мы разговаривали, потом он долго на меня смотрел и очки поправлял. Зуб те даю, заберут.

Женя присаживается на кровать, не снимая куртки.

– Такой в пальто? На профессора похожий?

Коля утвердительно кивает, Женя откидывается.

– К нам тоже приходил. «Кем хотите стать? Чем увлекаетесь?» – спрашивал. Станный он, Колян, ты это, рано вещи собирать. Он так ко всем приглядывается. Я его видел, кстати, внизу, у Тамарки.

– Ша приду, – говорит Коля и выходит из комнаты.

Он спешно идет по слабо освещенному коридору, ведет рукой по выкрашенной в оранжевый стене, сбегает по лестнице, оказывается на первом этаже, подходит к черной, обитой кожей двери и прикладывается к ней ухом. Слышится разговор.

– Спасибо за проявленное понимание, – доносится голос мужчины, который несколько минут назад сидел у Димы в комнате. – Я побеседовал со всеми троими, ребята хорошие, но Дима... Пожалуй, остановлю свой выбор на нем.

После этой фразы Коля не слышит ничего. Он отстраняется от двери и плетется в сторону лестницы, медленно поднимается вверх и заходит в комнату. Женя продолжает лежать на кровати в куртке.

– Ну что там? – спрашивает Коля.

– Отбой. Димкина остановка.

Коля снимает куртку, вешает ее на выгнутые плечики, раскрывает чемодан, достает из него вещи.

ПИГМАЛИОН

Трое юношей стояли у картины, изображающей морскую гладь, берег и девушку в красном платье. Ее плечи были обнажены, а русые волнистые волосы развевались.

Молодые люди долго рассматривали произведение искусства. Один из них, рыжий и низкорослый, одетый в смешно топорщащийся в районе живота костюм, уделял внимание тонкой шее. Его соседа интересовала обвитая белой атласной лентой талия. Третий же, самый юный из ценителей, Алексей Белов, смотрел на четко прорисованные женские запястья. Они были настолько тонкими, что он волей-неволей задумывался о том, как они бы смотрелись в его широких ладонях, сойдись они с нарисованной девушкой в танце. В ушах Леши зазвучал вальс, перед глазами закружилось множество мужчин и женщин. Он ощутил запах всевозможных яств и цветов, и от таких представлений по его спине пробежала дрожь. Чтобы не вызывать у спутников вопросов касательно этого непровольного вздрагивания, он сказал:

- А свет-то, заметьте, хорош. Как точно солнечные лучи отражаются на волнах.
- Да, да, и детализация суши! Кажется, художник прорисовал каждую песчинку, – подхватил Семен.
- И птицы. Давно я не видел, чтобы кто-то изображал их не галочками, – восхитился Евгений.
- Ну и девушка неплоха, – с напускным равнодушием добавил Алексей, – есть что-то.

– Да, пожалуй. Сочетание хрупкого женского образа и стихии – это интересно, – согласился Семен.

Ему, как и его товарищам, было несколько стыдно признаваться в том, что его зацепила всего-навсего женская красота, а не глубокомысленный авторский подтекст, вложенный в картину.

Какое-то время товарищи бродили по галерее, то и дело останавливаясь у различных полотен. Они разгадывали тайну натюрмортов, предполагая, что яблоко в центре – это аллюзия на грехопадение Адама и Евы, а окружающие его виноград и персики – это не что иное, как образ рая. Алексей, обычно проявляющий интерес к гипотезам, в этот раз молчал. Его занимала девушка с изящными кистями. Он беспрестанно задавался вопросами насчет нее и оставался холоден ко всему другому. Даже белый квадрат на черном фоне, который Семен с Евгением сочли вызовом Малевичу, не произвел на него никакого впечатления.

Когда друзья полностью обошли галерею и направились к выходу, Алексей извинился перед ними и спросил, не против ли они пройти без него. Женя с Семой переглянулись, но ничего не сказали. Уже после, идя по сумеречным улицам, они обсудили странное поведение Леши и объяснили его недосыпом перед экзаменами. Как-никак Белов поступал на актера, а бесконечный пропуск литературных героев через себя вредил еще не до

конца сформировавшейся личности. Особенно впечатлительной.

Алексей же, распрошавшись с товарищами, вернулся к картине. Ни стульев, ни лавок перед картиной не стояло, поэтому он опустился прямо на пол и продолжил разглядывать творение, искать в нем прежде невиданное. Замечаний ему не делали, за происходящим в галерее наблюдал один-единственный охранник, да и тот был в полусонном состоянии. Посетители практически отсутствовали, но даже если бы присутствовали, какая разница: сидит он или стоит?

Картину рисовали масляными красками. Их излишки, застывшие в некоторых местах, придавали изображению объемность. Леша испытывал странное желание прикоснуться к подолу красного платья, на котором так отчетливо проступал широкий мазок. Он пытался понять, почему его заинтересовала эта хорошая, но далеко не гениальная картина? Может быть, он видел похожий пейзаж собственными глазами? Или в детстве перед сном мама рассказывала ему истории о вышедшей из пены девушке, чье платье было сплетено из кораллов, а пояс – из жемчуга? Ничего подобного Леша не припоминал.

Темнота за окном сгушалась. Леша выслушал звуковое объявление о закрытии галереи и поднялся. От продолжительного пребывания в одной позе ноги занемели и не хотели слушаться, но через пару шагов к ним вновь вернулась способность двигаться. Леша попрощался с охранником, обернулся и вышел из помещения. Находясь в полубезытии, он не заметил, как распахнувшейся дверью ударил входившего мужчину по ноге. Тот зашипел, и Белов начал судорожно извиняться:

– Я, извините, честное слово, не видел, пожалуйста, не хотел. Оно само как-то.

Пожмурившись некоторое время, мужчина отошел. Он махнул Леше рукой.

– Да нормально, нормально, всякое бывает. Столь поздний час, вы задержались, любуясь картинами? «Картиной», – мысленно ответил Леша, но вслух произнес:

– Да.

Мужчине это польстило, он рассказал Леше о том, что является организатором выставки и автором полотен. Изначально спешивший, теперь он облакачивался на железную входную ручку и разглагольствовал. Он упоминал о любви к живописи, проявившейся с раннего детства, об обучении в художественной школе и завистливых одноклассниках, о бедности и непризнании, о признании и, наконец, о жене. При слове «жена» Алексей насто-

рожился, но собрался и постарался принять самый что ни на есть незаинтересованный вид: засунул руки в карманы, наклонил голову вбок и отвернул стопы от собеседника.

– А это не она, случайно, в красном платье рядом с морем?

– Она самая. – Художник кивнул.

– Хорошая картина. Отражение солнечных лучей на волнах передано с такой точностью.

Мужчина поблагодарил Лешу, пожелал ему удачи и скрылся за стеклянной дверью. Юноша поковырял носком ботинка землю и вздохнул. Он поплелся к дому через парковку и, проходя мимо десятка разноцветных машин, заметил рядом с одной из них девушку. Ее стройную фигуру облегалo черное платье, а сама она задумчиво смотрела в небо и курила. Дым окутывал ее русые волосы и тонкие запястья. Алексея передернуло. Еще не до конца осознавая, что делает, он подошел к ней и спросил:

– Извините, можно сигарету?

Девушка не только дала ему сигарету, она еще и любезно ее подожгла. До этого никогда не куривший, Белов прикладывал нечеловеческие усилия, чтобы не зайтись кашлем и не перебудить всю улицу.

– А я вас на картине вашего мужа видел, вон там. – Он указал на здание. – И мы с ним встретились, поговорили.

Девушка нахмурилась. Леше казалось, что он находится рядом или с коварной и могущественной Леди Макбет из пьесы Шекспира, или с непоколебимой Машей Шамраевой из чеховской «Чайки». На картине она была запечатлена как нежное, хрупкое существо, а в реальности оказалась воительницей. Этот контраст будоражил, вызывал еще больший интерес. Леша испытывал некий страх, подобный тому, который возникает при виде чего-то впечатляющего, но опасного. Снежной бури, например.

– Он заставляет меня торчать на холоде часами и не двигаться. Говорит, что это нужно для создания достоверности, а то, что я валяюсь потом неделю с температурой, его не волнует. Положительно прекрасный человек, ничего не скажешь.

– А знаете, я могу вас нарисовать. Я, правда, на актера поступаю, но какая разница?

После этих слов Леша все же закашлялся. Это вызвало у незнакомки улыбку, складки на ее лбу разгладились. К этому увиденному в первый раз мальчишке она испытывала куда более теплые чувства, нежели к собственному мужу.

ПРОСТОЕ НЕ

Они с чемоданом стояли у дороги, и пыль из-под колес клеилась одному на корпус, а другому – на лицо. Из-за нее под носом у Егора образовалась чернота. Если бы кто-нибудь из прохожих поднял взгляд, ему могло бы показаться, что Егор носит усы.

Молодой человек топал ногой и то доставал телефон, то убирал его обратно. Крохотная дырочка в кармане увеличивалась в размерах, грозясь скинуть потертый самсунг, пачку мятной жвачки и скидочную карту «Перекрестка» в пуховые недра куртки. Егор на ощупь попытался достать из заднего кармана рюкзака пачку сигарет: пальцы заскользили по молнии, но так и не нашли собачку. Пришлось стягивать рюкзак с плеча. Он повис на ляжке с распустившимися по бокам нитями, и Егор вытащил из него темно-коричневый коробок.

На коробке красовалось изображение легких и надпись: «Курение убивает». Егор курил с десятого класса и успел привыкнуть к фотографиям нерожденных детей и глаз с выцветшими зрачками. Вначале они его смущали, он старался вынимать сигареты и не обращать на них внимания, однако уже спустя года два картинки собрались в коллекцию. Егор не уставал хвастаться ею перед друзьями и знакомыми. Это увлечение находили специфичным, но Егор пропускал комментарии мимо ушей. Он боялся потерять статус первого шутника в компании, а насмешники над нездоровым образом жизни

закрепляли его за ним. Чем сильнее зависимость, тем тоньше юмор того, кто в нее угодил.

После первых затычек наступило облегчение, валун откатился от груди. Пожелтевшая листва будто бы ярче засветилась, рев моторов прекратил резать слух, и Егор забыл о своих переживаниях. Он почувствовал себя успешным IT-специалистом, а не отчисленным из-за задолженностей студентом, представил, что на карте у него лежит шестизначное, а не трехзначное число. Всякий раз, когда нужно было оплачивать кофе переводом, Егор отворачивал экран от бариста, чтобы те ненароком не увидели, какая сумма хранится у него на банковском счете.

Приходили к нему мысли и о жилье. Он думал о своей мягкой кровати и теплом, тяжелом одеяле, потягивался и сладко зевал. Неважно, что в действительности у него не было дома и последние две недели он делил комнату в хостеле с тремя людьми. Первый сосед работал за компьютером без наушников, второй имел привычку уходить в шесть часов утра на кухню и возвращаться в шесть тридцать с кастрюлей, полной гречки. Аромат заполнял не только комнату, но и весь коридор. Третий сожитель не выходил из дома и выводил из себя всем, что бы ни делал. Егор практически обитал в метро, фуд-кортах и парках. Иногда он совмещал: доезжал на метро до фуд-корта, заказывал что-нибудь и шел в парк.

Егору никогда не нравилась осень, она рождала ассоциации со школой, насморком и вечно перепачканными подошвами ботинок. В этом году что-то изменилось.

Осенью, чтобы не окоченеть от ветра, ему приходилось вооружаться термосом с горячим растворимым кофе. Он присаживался на лавочку, открывал книгу и забрасывал ее на второй странице, увлекаясь происходящим вокруг. На ветках деревьев дрожали листья, они, сперва сворачиваясь в трубочки, а затем разворачиваясь, отрывались от деревьев и улетали в небо. Некоторые вращались над головами прохожих и медленно опускались, а некоторые падали топором. Егору никогда не нравилась осень, она рождала ассоциации со школой, насморком и вечно перепачканными подошвами ботинок. В этом году что-то изменилось.

Однажды он вышел из дома и обнаружил, что улицы перекрасились в желтый цвет. Осень заявляла о себе падающей температурой и частыми дождями, но Егор понял, что время года сменилось именно тогда, в то утро. В груди сладко заныло, и он вспомнил, как несколько лет назад, еще будучи учеником 8 «Б» класса, он шел домой и доставал измазанными синей пастой пальцами мякиш из хрустящей буханки. Под ногами еще ничего не шелестело. Для того чтобы насладиться шуршанием листьев, нужно было свернуть с асфальтированной дорожки и перейти бордюр. Запас листьев, еще скудный, лежал под стволами. Егор знал, что мама останется недовольна его исследовательской деятельностью, но он не справился. Под его весом пестрая горка распалась на множество частичек с рваными краями.

Егор купил в ближайшей пекарне хлеб, и, хотя он ни вкусом, ни запахом не напоминал тот самый, на душе стало спокойнее. Деньги на оплату хостела закончились, он не знал, где проведет ночь и что делать с несколькими сумками и чемоданом, но был уверен: свежее испеченный хлеб может хотя бы ненадолго избавить от чувства тревоги и растерянности.

На витринном стекле висело объявление о вакансии кондитера без опыта работы. Егор решил, что полузабытые воспоминания всплыли вовремя. К тому же он мог не переживать о совмещении работы с учебой. Экран смартфона залился белым светом, к электронным заметкам прибавилась еще одна.

С чемоданом, с закинутым на плечи рюкзаком и сумками наперевес он плелся мимо уличных музыкантов. Они хрипели в микрофон, и этот шум самым точным образом передавал состояние Егора. Вернее, то, каким оно было несколько минут назад, ведь сейчас он выковыривал мякоть из свежей, теплой буханки и готовился позвонить потенциальному работодателю. Дело оставалось за малым – найти горку из листьев и раздавить ее ногой.

